

«Краеугольный и несокрушимый камень» Нового Афона: роль Н.П. Игнатьева в становлении на Кавказе духовного и миссионерского центра

Любовь Мельникова

«Indestructible cornerstone» of New Athos: the role of N.P. Ignatiev
in the formation of spiritual and missionary center on the Caucasus

Liubov Melnikova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23040077, EDN: HMSXDE

Деятельность выдающегося российского дипломата Николая Павловича Игнатьева, в течение 12 лет являвшегося российским послом в Константинополе (1864–1876) и сумевшего в значительной мере усилить пошатнувшееся после Крымской войны влияние России на Балканах и Ближнем Востоке, неоднократно привлекала внимание исследователей. Так, например, неплохо изучены его роль в попытке разрешения греко-болгарского церковного вопроса и создания автокефальной Болгарской Церкви, дипломатическая деятельность во время Восточного кризиса 1870-х гг. и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (особенно — подписание Сан-Стефанского мирного договора)¹. В последние годы появились работы по истории взаимоотношений российского дипломата с русскими иноками на Афоне, физическое и духовное присутствие которых на Святой Горе он рассматривал как одну из важных опорных точек политики Российской империи на Балканах и Ближнем Востоке. В этой связи следует отметить двукратную публикацию переписки Игнатьева и старцев Русского Свято-Пантелеимонова монастыря, хранящейся в ГА РФ и в Архиве Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне². Издания сопровождаются не только комментариями, но и исследовательскими статьями, выполненными О.В. Анисимовым, К.А. Вахом и диаконом Петром Пахомовым.

Гораздо менее исследована роль Н.П. Игнатьева в становлении на Кавказе (в Абхазии) Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря. Последний, возникнув как филиал Свято-Пантелеимонова монастыря, вскоре получил особый статус и превратился в крупный духовный и миссионерский

© 2023 г. Л.В. Мельникова

¹ См., например: Дмитриевский А.А. Граф Н.П. Игнатьев как церковно-политический деятель на православном Востоке (По неизданным письмам его к начальнику Русской духовной миссии в Иерусалиме о. архимандриту Антонину Капустину). СПб., 1909; *Кирил, патр. Български*. Граф Н.П. Игнатиев и българският църковен въпрос. Изследване и документи. Т. 1. София, 1958; *Hünigen G.* Nikolaj Pavlovic Ignat'ev und die russische Balkanpolitik 1875–1878. Göttingen; Zürich; Frankfurt a/M, 1968; *Meininger T.A.* Ignatiev and the Establishment of the Bulgarian Exarchate (1864–1869). A Study in Personal Diplomacy. Madison, 1970; *Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатьев. Российский дипломат. М., 2009; и др.

² Граф Игнатьев и Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне. Сер. Русский Афон XIX–XX веков. Т. 12. Святая Гора Афон, 2016; Граф Н.П. Игнатьев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 2. Переписка Н.П. Игнатьева со старцами Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Святой Горе Афон. 1864–1907 гг. / Сост. К. Вах, диакон П. Пахомов. М., 2018.

центр на юге Российской империи. Между тем участие Игнатьева в появлении и развитии этой обители было настолько важным и всеобъемлющим, что её настоятель архимандрит Иерон образно и ёмко назвал Николая Павловича «краеугольным несокрушимым камнем» Нового Афона³. Важным источником по рассматриваемой проблеме являются чрезвычайно слабо привлекавшиеся исследователями письма Игнатьеву первых руководителей Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря иеромонаха Арсения (Минина) и архимандрита Иерона (Васильева, по другим данным — Носова), хранящиеся в личном фонде Н.П. Игнатьева в ГА РФ.

Основание Ново-Афонского монастыря было связано с крупным конфликтом на Афоне, названным современниками «греко-русским Пантелеимоновским процессом». Поэтому прежде всего кратко рассмотрим суть данного конфликта, сосредоточив внимание в основном на роли Игнатьева в его разрешении.

Свято-Пантелеимонов монастырь, входящий в число 20 афонских монастырей, имеющих своих представителей в Протате (центральном исполнительном соборном органе управления Святой Горы), к середине XIX в. стал основным местом пребывания на Афоне русских монахов. Эта обитель, возникшая в конце X в., ещё в 1169 г. была передана «на все последующие времена» русской монашеской общине монастыря Ксилургу. Последний с того времени приобрёл статус скита, приписанного к Свято-Пантелеимонову монастырю. На протяжении практически всего периода своего существования Свято-Пантелеимонов монастырь именовался Русским (или Русским), однако национальный состав его насельников не был однородным: значительную часть братии составляли сербы и греки, что неоднократно приводило к обострению межнациональных противоречий (главным образом русско-греческих).

В первой половине XVIII в. вследствие русско-турецких войн приток русских богомольцев на Афон резко сократился, и к 1735 г. в монастыре Св. Пантелеимона стали преобладать греческие монахи, которые, по выражению А.А. Дмитриевского, «мало-помалу совершенно» вытеснили русских⁴. Однако в XIX в. численность русских монахов снова начала расти, и к середине 1870-х гг. соотношение греков и русских поменялось в обратную сторону (первых в монастыре насчитывалось более 200, вторых — более 300 человек)⁵. Деятельность русских иноков и щедрое пожертвование из России способствовали выходу монастыря из экономического кризиса. Тем не менее греки с большим трудом шли на признание каких бы то ни было прав русской братии, стараясь закрепить за собой господствующее положение в обители. Непростые взаимоотношения двух разноплемённых обществ с различными традициями нередко пытались использовать в своих интересах западные дипломатии, стремившиеся ослабить влияние России в регионе. Дело в том, что Афон, всегда имевший важное духовно-религиозное значение, в XIX столетии стал также предметом политического интереса великих держав, соперничавших между собой за преобладающее влияние в Османской империи.

³ ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3026, л. 30.

⁴ Дмитриевский А.А. Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена Русского Пантелеимоновского монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина). СПб., 1895. С. 79.

⁵ История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года. Сер. Русский Афон XIX–XX веков. Т. 5. Святая Гора Афон, 2015. С. 350.

В 1866 г. Свято-Пантелеимонов монастырь посетил русский посланник в Константинополе Н.П. Игнатъев, ставший вскоре его покровителем, а в 1867 г. там побывал вел. кн. Алексей Александрович⁶. Внимание к обители российских властей и представителей царствующего дома Романовых чётко обозначило позицию Российской империи и способствовало укреплению монастырского порядка и благосостояния.

Между тем в первой половине 1870-х гг. на Афоне разгорелся «греко-русский Пантелеимоновский процесс». Конфликт наметился ещё в октябре 1870 г., когда престарелый игумен Руссика Герасим объявил своим «наречённым преемником» русского члена братии — архимандрита Макария (Сушкина), что вызвало недовольство ряда афонских, а затем и внеафонских греков. Развитию конфликта в значительной мере способствовал имевший в то время место в греческой среде подъём антиславянских и антирусских настроений, вызванный греко-болгарским церковным спором и позицией России по отношению к нему. Как известно, 16 сентября 1872 г. Константинопольский собор восточных православных Церквей принял постановление о провозглашении Болгарской Церкви схизматической. Российский Святейший Синод уклонился от участия в Соборе и не присоединился к его приговору, оставив без ответа соответствующее послание Вселенского патриарха Анфима VI⁷. Александр II, недовольный решением Собора, в 1873 г. наложил секвестр (в пользу казны) на доходы Восточных патриархатов с бессарабских имений их монастырей. Своёобразным противодействием со стороны Вселенской патриархии «молчаливому отказу» российского Синода поддержать решение Константинопольского собора 1872 г. по поводу болгарской схизмы и бессарабскому секвестру Александра II и стал конфликт, возникший в Русском Свято-Пантелеимонове монастыре на Афоне, находившемся в церковной юрисдикции Константинопольского патриархата.

В 1873 г. на Афон прибыли архиепископ Сироса Александр (Ликургос), прямо призвавший греков к крестовому походу против славян, и патриаршая комиссия, получившая предписание изучить обстановку и предложить меры для защиты греческих интересов. По меткому выражению Н.П. Игнатъева, посеянные ими «семена розни» вскоре «принесли плоды» — в монастыре Св. Пантелеимона между греческими и русскими иноками разгорелась ожесточённая борьба, воспринимавшаяся противниками России в качестве «отправной точки для греко-русской схизмы»⁸. В греческих газетах развернулась антирусская информационная кампания, в ходе которой раздувались национальные и политические страсти: Россия обвинялась в «панславизме» и желании выдавить с Афона греческий элемент, обсуждался даже вопрос о якобы предстоящем осуждении русских по примеру болгар⁹.

Притесняемая греками русская часть братии Свято-Пантелеимонова монастыря была вынуждена поставить вопрос о разделении обители на две общины.

⁶ Граф Игнатъев и Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне. С. 536–537.

⁷ Подробнее об этом см.: Мельникова Л.В. Православный фактор русской политики на Балканах в конце 1850-х — 1870-х гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 147–161; Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 2020. С. 36–68.

⁸ Граф Н.П. Игнатъев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 1. Записки о русской политике на Востоке. 1864–1887 гг. / Сост. О.В. Анисимов, К.А. Вах, отв. ред. П.В. Стегний. М., 2015. С. 381.

⁹ Дмитриевский А.А. Указ. соч. С. 168–175.

В январе 1874 г. игумен Герасим дал на это письменное благословение, подчеркнув, что «преимущественное право» при таком разделе принадлежит русским инокам, выстроившим большую часть монастыря, заплатившим долги Руссика и содержащим на свои средства всё братство, что позволяло назвать их «ктиторами обители»¹⁰. Греки, желавшие сами управлять всем монастырём, не согласились с этим решением. Вскоре, 30 января 1874 г., игумен Герасим дал русским инокам новую грамоту, подтверждавшую их важную роль в возрождении Свято-Пантелеимонова монастыря, их права и численное превосходство¹¹.

Оба братства обратились в Протат, результатом чего стало антирусское решение девятичленной комиссии антипросопов (представителей святогорских обителей в Протате), побывавшей в обители в апреле 1874 г. В частности, решили, что «монастырь... будет греческим»; «во главе его всегда будет игумен из греков и турецкий подданный»; «русские должны составлять не более $\frac{1}{3}$ братии»; «казна должна быть общей»¹². Неудивительно, что русская братия отказалась принять это постановление. Прибывший в это время на Афон известный церковный историк и писатель-паломник А.Н. Муравьёв написал от имени русских иноков протест, который, однако, в Протате не приняли. Сообщая об этом Игнатьеву в письме от 9 мая 1874 г., Муравьёв подчеркнул «очень неблагоприятную» ситуацию в Руссике и полную растерянность русских иноков: «Антихристы, антипросопы бурлят и шипят, как змии, а наши овечки трепещут и всё смиряются... Антихристы ничего не хотят разбирать и допрашивать свидетелей, а только издают свои каноны, чтобы выжить силой русских... Наши не умеют даже ничего написать и боятся писать, чтобы их не побили и не сожгли»¹³.

В письмах и записках, адресованных Игнатьеву, Муравьёв настаивал, чтобы тот как можно быстрее оказал поддержку русским инокам Свято-Пантелеимонова монастыря и приехал на Афон с личным визитом. В записке от 29 мая 1874 г. он подчеркнул, что неприязнь греков к русским на Святой Горе отнюдь не ограничивается греческой братией Свято-Пантелеимонова монастыря, и объяснил происходящее накалом греческого филетизма после решений Константинопольского собора 1872 г.: «Искры неприязни давно уже, вероятно, тлелись, но схизма болгарская положила последнюю печать на эту вражду. Теперь можно сказать, это уже не болгарская, а прямо русская схизма, потому что болгары остались в тени при той явной ненависти, какую питают... греки к русским. Они видят в них корень и силу славянства и, забывая своё бессилие, на них, собственно, обращают всю свою злобу»¹⁴. В письме Игнатьеву от 10 августа 1874 г. Муравьёв писал: «Повстанцев надобно сейчас же выгнать из Руссика, а не то плохо от них будет, и следует выбрать нового игумена. Не дай запустить этого дела; оно чем дальше, тем хуже пойдёт, и потом уже не исправишь, как и болгарское... Если теперь не ударить по лбу Афону, то всё наше влияние исчезнет»¹⁵.

В конце июля 1874 г. в сопровождении германского и американского послов Игнатьев прибыл на Афон. Послы посетили Руссик, болгарский монастырь

¹⁰ История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года. С. 349.

¹¹ Там же. С. 350.

¹² Там же. С. 353–355.

¹³ Андрей Николаевич Муравьёв и российская дипломатия на Православном Востоке. Дипломатические записки и переписка / Сост. И.Ю. Смирнова. М., 2019. С. 450–451.

¹⁴ АВПРИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 3210, л. 1.

¹⁵ Андрей Николаевич Муравьёв и российская дипломатия на Православном Востоке... С. 464.

Зограф, греческую обитель Ватопед, Андреевский и Ильинский скиты. Важное значение имело посещение ими Кареи, где располагался Протат. В письме от 8 августа 1874 г. Игнатъев сообщил Муравьёву, что от имени всех трёх послов он выразил председателю Протата архимандриту Лавры Св. Афанасия Павлу «общее удивление, что вместо монахов, посвящающих себя исключительно молитве и служению Богу, встречаем на Афоне людей, поселяющих раздор и смуты и руководящихся какими-то политическими соображениями», а затем намекнул, что «если мир и тишина не водворятся на земле, находящейся под властью султана, и в монастырях, подчинённых патриарху, то, конечно, приняты будут меры, чтобы положить конец злу»¹⁶. При посещении Ватопеда в ответ на вопрос греческих монахов об их бессарабских имениях Игнатъев «обозвал их людьми бессовестными», заметив, что не посмеет «просить об их нуждах государя в то самое время, как русские на Афоне ими преследуются»¹⁷.

В другом письме Муравьёву, от 5 августа 1874 г., Игнатъев подвёл итоги своего визита на Святую Гору, а также отметил явный «английский след» в закулисном разжигании греко-русского конфликта: «Моё появление на Афоне в сопровождении германского и американского послов произвело сильную демонстрацию в пользу русских иноков, мира и согласия на Святой Горе. На этих днях убедился я, что английский посол живо интересуется происходящим на Афоне и поддерживает сношения с ярыми “дервишами эллинизма”, — как ты их назвал весьма верно и остроумно, — получая от архимандрита лаврского и других все документы, относящиеся до греко-русской распри»¹⁸. По возвращении в Константинополь Игнатъев связался с Вселенским патриархом Иоакимом II.

Благодаря стараниям Игнатъева, поддержке Иоакима II, а также прекращению финансирования русскими иноками греческой братии монастыря оппозицию удалось подавить. Переломным моментом стала смерть 102-летнего игумена Герасима, наступившая 10 мая 1875 г. По традиции афонских монастырей на десятый день после его кончины в обители состоялись выборы нового игумена, на голосование была поставлена кандидатура «наречённого преемника» — Макария, под которой подписалась большая часть братии: 406 русских иноков и несколько греков. Перебаллотировка, устроенная 20 июля 1875 г. по распоряжению патриарха Иоакима II в присутствии специально посланных в обитель экзархов и уполномоченных, только закрепила результат: за архимандрита Макария высказались 415 человек, против — 118 человек. 15 октября Иоаким II утвердил Макария игуменом и закрепил за монастырём уже существовавшее наименование «Русский». Недовольным грекам предложили покинуть обитель: 20 человек ушли добровольно, 11 — были высланы¹⁹.

В то же время, ещё до окончательного разрешения конфликта, старцы Руссика архимандрит Макарий (Сушкин) и духовник иеросхимонах Иероним (Соломенцов), желая подстраховать русских афонцев на случай неудачного исхода дела или возникновения у них в будущем новых конфликтов с греками и возобновления опасности быть всё же удалёнными со Святой Горы, обратились к Игнатъеву с просьбой помочь им основать на Кавказе, под «кровом России», филиальное отделение Свято-Пантелеимонова монастыря. По мнению

¹⁶ Там же. С. 462.

¹⁷ Там же. С. 461.

¹⁸ Там же. С. 459.

¹⁹ История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года. С. 360–365; Граф Игнатъев и Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне. С. 564–568.

старцев-основателей, новая обитель должна была стать не только «убежищем для братства в случае смут на Востоке», но также центром духовного просвещения края²⁰.

8 февраля 1875 г. Игнатъев направил письмо Кавказскому наместнику вел. кн. Михаилу Николаевичу. Обратив его внимание на «затруднительное и тягостное положение» Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, он сообщил, что русская братия обители хочет иметь «точку опоры в России». Передав Кавказскому наместнику «усердное ходатайство» братии «о даровании им уголка земли для устройства скита или монастыря, который был бы принадлежностью афонской Пантелеимоновской обители на тех же условиях, на которых находится в Москве Никольский греческий монастырь, принадлежащий афонскому Иверскому монастырю», Игнатъев со своей стороны прибавил: «Глубина православных убеждений, чистота и строгость жизни и чисто русский дух нашей братии на Афоне служат, мне кажется, ручательством, что и на Кавказе иноки эти будут полезными и ревностными деятелями распространения православия». При этом он уточнил, что речь идёт лишь о предоставлении монастырю необходимой земли, без каких бы то ни было денежных пособий, так как новую обитель предполагается основать на средства афонского Свято-Пантелеимонова монастыря²¹. К письму прилагалось прошение на имя вел. кн. Михаила Николаевича представителей Руссика архимандрита Макария и духовника иеросхимонаха Иеронима, в котором старцы подчеркнули своё желание «разделить или усугубить труд кавказской христианской православной миссии» и указали на «духовную пользу, которую с благословения Божия может принести святая общежительная обитель при новом возрождении к духовной жизни заблудших народов»²². Напомним, что Абхазия, считающаяся в христианском мире частью одного из уделов Божией Матери, была в древности местом апостольской проповеди, а в Средневековье — христианским государством.

Возможно, что идея основать на Кавказе филиал афонского Русского Свято-Пантелеимонова монастыря принадлежала именно Н.П. Игнатъеву. Во всяком случае, в пользу этого предположения свидетельствуют строки из нескольких писем, направленных ему впоследствии первым руководителем Ново-Афонского монастыря иеромонахом Арсением (Мининым): «Вам, многуважаемый Николай Павлович, Господь внушил указать нам на Кавказ; Вы изволили положить начало этому благу делу, которое не только для обители нашей, но и для тамошнего края может оказать благотворные последствия» (письмо от 6 февраля 1876 г.)²³; «Приятным долгом поставляю себе уведомить Вас, что Кавказская наша обитель, возникшая по воле Божией, объявленной нам чрез Вас, наконец, благодарение Богу, Св. Синодом утверждена» (письмо от 29 октября 1879 г.)²⁴.

27 мая 1875 г. исправляющий должность начальника Главного управления наместника Кавказского кн. Г.К. Багратион-Мухранский сообщил Игнатъеву,

²⁰ История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года. С. 593–594.

²¹ РГИА, ф. 797, оп. 45, отд. 2, ст. 3, д. 55, л. 1–2; К свету. 1997. № 16 (Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь). С. 11.

²² Документы и переписка Ново-Афонского монастыря (1875–1894). Из архивов Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря // К свету. 1997. № 16. С. 194.

²³ ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 2320, л. 20 об.

²⁴ Там же, л. 33.

что вел. кн. Михаил Николаевич принял «с особенным сочувствием» его заявление «относительно отвода на Кавказе инокам афонского Пантелеимонова монастыря участка для основания скита или монастыря, а посему сделано уже распоряжение об изыскании на Кавказе удобного для устройства святой обители места»²⁵. 20 июня того же года Игнатъев и обер-прокурор Святейшего Синода граф Д.А. Толстой были уведомлены о дозволении вел. кн. Михаила Николаевича приехать на Кавказ трём инокам афонского Свято-Пантелеимонова монастыря «с целью осмотра и выбора местности для основания скита афонскими подвижниками». Местному начальству следовало указать им участки в Абхазии, которые могли быть отведены для обители»²⁶.

25 августа 1875 г. представители Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне — иеромонах Арсений (Минин), монах Агапий (Полубояринов) и рясофорный монах Иоанн (Черноярлов) — прибыли в Сухум. Отец Арсений имел при себе монастырскую доверенность, дававшую ему широкие полномочия: его заботам были поручены избрание местности для устройства монастыря, ходатайство об утверждении прав новой обители, составление плана и фасада монастырских построек, заготовление строительных материалов, сама постройка и «всё без изъятия»²⁷.

Следует отметить, что иеромонах Арсений имел к тому времени некоторый опыт в устройении подобного рода дел. Будучи направлен в 1862 г. в Россию для сбора пожертвований в пользу афонского Свято-Пантелеимонова монастыря, он вскоре стал постоянным представителем обители в России: по его инициативе и благодаря ходатайству Игнатъева в 1873 г. на Никольской улице Москвы при Богоявленском монастыре была построена часовня Свято-Пантелеимонова монастыря. Став строителем и руководителем этой часовни, а через три года — фактическим настоятелем²⁸ кавказской обители, о. Арсений всё это время состоял в переписке с Игнатъевым, регулярно прибегая к его советам и помощи.

По прибытии на Кавказ о. Арсений счёл своим долгом сообщать Николаю Павловичу о каждом более или менее значимом событии на пути устройства обители, всякий раз подчёркивая важное значение его участия в этом процессе и не скупясь на тёплые слова благодарности. Так, уже в первый день своего пребывания в Абхазии он написал ему: «Имею честь уведомить Вас, что по милости Божией я с братьями благополучно прибыл в Сухум-Кале 25 августа, в день празднования здесь покорения края. Ваше милостивое покровительство и Ваша рекомендация доставили нам здесь самый внимательный приём. Г[осподин] начальник Сухумского отдела генерал Кравченко принял нас с всевозможными любезностями, обещав нам полное своё содействие во всём. Начнём с того, что отправимся для обозрения и избрания местностей, удобных для устройства обители. Край здешний великолепен, только местами есть лихорадки, будем приискивать здоровую местность. Не знаем и не умеем, как и благодарить Вас за Ваши милости. Всеблагий Господь да воздаст Вам за Ваше неутомимое попечение о меньшей Его братии»²⁹. Через месяц, 29 сентября 1879 г., о. Арсений доложил Игнатъеву: «Дождливая погода препятствует успеху нашего дела, но

²⁵ Документы и переписка Ново-Афонского монастыря (1875—1894)... С. 195.

²⁶ Там же; РГИА, ф. 797, оп. 45, отд. 2, ст. 3, д. 55, л. 6—7.

²⁷ Документы и переписка Ново-Афонского монастыря (1875—1894)... С. 196.

²⁸ Официально настоятель Ново-Афонского монастыря был избран лишь после высочайшего утверждения обители, состоявшегося в 1879 г., уже после смерти о. Арсения.

²⁹ ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 2320, л. 23.

приятно то, что во всех видим желание и содействие к успеху нашего дела. Местности есть удобные, только по большей части заняты жителями, доведётся их вознаградить за переселение, а свободных удобных мест в Абхазии нет, даже оказывается недостаток в наделе жителей. Дела эти зависят от распоряжения находящегося теперь в Константинополе начальника [Кавказского] Горского управления генерала Виктора Антоновича Франкини, позвольте Вас покорнейше просить, если возможно, поговорить с ним о нас... Успехом дел Афонского и здешнего мы вполне обязаны Вашему милостивому участию, принятому Вами в положении обители нашей, за которое да воздаст Вам многомилостивый Господь небесными щедротами, а наш священный долг молить Его о Вашем благоденствии»³⁰. 10 октября 1875 г., возвращаясь из Ялты, где тщетно надеялся застать Игнатьева, иеромонах Арсений прямо с борта парохода «Михаил» сообщил Николаю Павловичу: «Я представлялся великому князю Михаилу Николаевичу, и он, без сомнения, по Вашей рекомендации принял очень милостиво и обещал поспешить устройством нашего дела на Кавказе»³¹.

В ноябре 1875 г. афонские иноки определились, наконец, с выбором места для основания обители. Из двух земельных участков, предложенных им местными властями, они выбрали место на расстоянии около 20 вёрст от Сухума, близ горы с развалинами древней крепости Анакопия, при древнем полуразрушенном храме во имя Св. апостола Симона Кананита, где по преданию он был погребён. Участок оказался довольно запущен (густо зарос кустарником и колючкой, а близ реки Псыртси (Псырчи) — заболочен) и находился в опасной близости от моря, что заставило иноков приложить немалые усилия для его благоустройства, а позднее — расположить основные здания обители на горе. 2 октября 1878 г. Макарий, Иероним и Арсений писали Игнатьеву: «Справедливо Вы изволили заметить, что прибрежная постройка на Кавказе опасна, но что же будем делать, когда указали нам только два места? Первое оказалось очень тесным и неудобным, оставалось взять второе, которое хотя и много имеет хороших условий, но близость его к морю оказалась опасною»³².

Заинтересованный взгляд афонских иноков пал также на Пицундский монастырь, где они предполагали поселиться первоначально³³. Этот монастырь был учреждён в 1872 г. при древнем храме времён императора Юстиниана иноками Троице-Сергиевой лавры, однако их попытка утвердиться на Кавказе по ряду причин, в том числе из-за недостатка отпускаемых из казны средств, успехом не увенчалась. 12 ноября 1875 г. иеромонах Арсений писал Игнатьеву: «Обе эти местности для нас удобны, находятся они на берегу моря; при Пицундском монастыре обильна лесом и рыбою, а при храме Св. Симона Кананита очень хорошая земля для садоводства, которая может быть в виде хутора к Пицундскому монастырю, не богатому удобною землёю. Местное начальство к отводу нам этих местностей препятствий не находит, тем более что мы заявили, что на переселение жителей, находящихся при храме Св. Симона Кананита, на иные места, отведённые им правительством, мы в вознаграждение им жертвуем от 2 до 3 тысяч рублей»³⁴.

³⁰ Там же, л. 11–11 об.

³¹ Там же, л. 13.

³² Граф Н.П. Игнатьев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 2. С. 215.

³³ ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 2320, л. 13 об.

³⁴ Там же, л. 27 об.

10 декабря 1875 г. Кавказское горское управление уведомило иеромонаха Арсения об отводе Симоно-Кананитскому монастырю 327 десятин 1944 квадратных сажень земли для возведения монастырских построек, хозяйственных и ремесленных заведений, об обеспечении обители двумя участками строевого и дровяного леса по 100 десятин каждый, о передаче братии находящихся на берегу моря каменных развалин древнего храма Симона Кананита, а также о предоставлении инокам исключительного права ловли рыбы у этого храма в реке Псыртсе и в море при её устье. При этом до сведения иеромонаха Арсения было доведено и особое пожелание вел. кн. Михаила Николаевича: «Желательно, если остатки древнего храма представляются ещё в чём-либо замечательными, то сохранить их в настоящем виде и включить в новую церковь»³⁵. В сентябре 1879 г. Ново-Афонский монастырь получил ещё 1 тыс. десятин земли³⁶, о чём иноки просили в 1876 г. «для обеспечения школы», содержание которой, по их расчётам, должно было ежегодно стоить до 2 тыс. руб.³⁷ Что касается Пицунды, то находящийся там монастырь в 1882 г. был упразднён «с обращением монастырского храма в соборный и с припискою его временно к Ново-Афонскому Симоно-Кананитскому монастырю»; в 1885 г. пицундский храм «со всеми принадлежащими ему постройками и наделами» поступил во владение Симоно-Кананитского монастыря «навсегда»³⁸. Вскоре там возник Пицундский Успенский мужской скит, приписанный к Ново-Афонской обители.

Первые строения нового кавказского монастыря были возведены уже к октябрю 1876 г. Ими стали небольшая каменная церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы (освящена 17 октября 1876 г.), двухэтажный братский корпус с кельями, школа (первоначально — пансион на 20 воспитанников, позднее их численность увеличилась), хозяйственные постройки. Поступающих в школу мальчиков-абхазцев предполагалось учить не только русской грамоте, но также ремёслам и «прочим необходимым в сельской жизни познаниям»³⁹. По свидетельству очевидцев, «число желавших поступить в школу и в мастерскую для обучения ремёслам значительно превышало то число, какое предполагалось поместить в них при начале постройки»⁴⁰.

Несмотря на многочисленные заботы по устройству монастыря, иеромонах Арсений внимательно следил за ходом миссионерства в Абхазии и сообщал местной администрации свои соображения, касающиеся ускорения христианизации края. Так, например, осенью 1876 г. он писал вел. кн. Михаилу Николаевичу: «В видах пользы края не излишним считаю доложить, что восстановление христианства в Абхазии идёт неудовлетворительно, причиною сему неразвитость священников и отчуждение их по языку от прихожан своих, ибо находящиеся в Абхазии священники большею частию грузины и имеретины... В настоящее время абхазцы не посещают храмы, не понимая совершающегося в них на грузинском языке богослужения». По мнению Арсения, «важнейшие места богослужения и обрядов» непременно нужно совершать на абхазском языке, чтобы «таким образом ознакомить абхазцев с христианскою верою». Обязательным

³⁵ Документы и переписка Ново-Афонского монастыря (1875–1894)... С. 196–197.

³⁶ Там же. С. 221.

³⁷ Там же. С. 204.

³⁸ Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по Ведомству православного исповедания за 1885 г. СПб., 1887. С. 214–215.

³⁹ ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 2320, л. 41 об.

⁴⁰ История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года. С. 603.

условием восстановления христианства в крае он считал наличие священников-абхазцев, к которым местные жители «более будут иметь симпатий». Для подготовки таких священников следовало открыть в Абхазии духовное училище и принимать в него лишь «достойных» абхазцев, подготовленных прежде в сельских школах. Воспитанники духовного училища должны изучать Закон Божий, жития святых подвижников христианства, в них нужно развить понятие о том высоком служении, к которому они предназначаются. «Не излишне, — писал Арсений, — чтоб... они несколько ознакомились, кроме прочих предметов, с медициною и сельским хозяйством, дабы этими познаниями могли быть полезными себе и своей пастве. Необходимо, чтоб между священником и его паствою были добрые отношения, тогда только может быть успех»⁴¹.

О духовно-нравственном состоянии жителей Абхазии и необходимости усиления в их среде миссионерской деятельности, которая способствовала бы более быстрой и успешной интеграции края в состав Российской империи, иеромонах Арсений писал и Игнатьеву. Так, в письме от 23 марта 1877 г. он отметил: «Основание обители этой, имеющей целью миссионерскую деятельность, может при помощи Божией быть благотворно для края в религиозном и гражданском отношениях, ибо тамошние дикари-абхазцы тогда только могут быть настоящими русскими подданными, когда просвещены будут христианской верой, а в настоящее время их симпатии к Турции, и хотя многие из них в недавнее время крещены, но продолжают держаться магометанских обрядов, о христианской же религии никакого понятия не имеют, не знают даже имён своих, данных им при св. крещении, и не умеют перекреститься, в церковь не ходят, они имеют свой язык абхазский, а священники у них из грузин, не знающих их языка, оттого и успеха никакого нет; одно, что в них приятно видеть, это охота к учению русскому языку; учреждение нами при обители школы так сочувственно принято было туземцами, что из среды магометан три мальчика, по желанию их родителей, сподоблены были св. крещения, собственно, ради того, дабы поступить в школу нашу. Кроме открытой нами сельской школы со временем мы предполагаем при помощи Божией открыть духовное училище и готовить в нём священников и миссионеров туземцев, тогда, без сомнения, просвещение края пойдёт успешнее»⁴².

Труды русских афонцев на Кавказе с самого начала получили одобрение и высокую оценку местных властей. В ноябре 1876 г. наместник Кавказский вел. кн. Михаил Николаевич отметил «благотворную деятельность» инок, «проявившуюся на первых же порах в быстром сооружении монастырских зданий с храмом при них и школою»⁴³. Начальник Сухумского отдела генерал-майор П.П. Кравченко в октябре 1876 г. назвал «водворение инок на реке Псыртсхе» «счастливым событием» и признал, что «энергическая, крайне полезная деятельность» афонских монахов «не только вызывает изумление и сочувствие к их предприятию, но указывает и на ту громадную пользу, которой от них следует ожидать для края, нуждающегося в просветлении христианской религией и в примерах заселения людьми трудолюбивыми, самой строгой жизни и предприимчивыми на благо и пользу ближнего»⁴⁴.

⁴¹ Документы и переписка Ново-Афонского монастыря (1875—1894)... С. 204.

⁴² ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 2320, л. 38 об., 41.

⁴³ РГИА, ф. 797, оп. 45, отд. 2, ст. 3, д. 55, л. 29 об.

⁴⁴ Цит. по: История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года. С. 602.

Одной из главных задач о. Арсения сразу после основания Ново-Афонского монастыря стало ходатайствование Высочайшего утверждения обители. 27 октября 1876 г. он обратился к генерал-майору П.П. Кравченко с просьбой оказать «начальническое содействие» в этом важном деле. В прошении излагались «главные основания прав, необходимых для существования и преуспевания Ново-Афонского монастыря»: обитель должна «навсегда принадлежать русским инокам, находящимся в Русском на Афоне Пантелеимоновом монастыре», при этом она «подчиняет наблюдению местного кавказского духовного начальства образ жизни братий своих согласно канонам церковным»; «монастырь утверждается... главнейше с целью устроить в нём монашеское общежитие», причём предполагается также «миссионерская и прочая деятельность»: «просвещение края посредством открытия при монастыре школы для обучения туземцев мальчиков, что уже приведено в исполнение», обучение «желающих из числа туземцев необходимым в сельской жизни ремёслам и хозяйству»; инокам, посылаемым из Руссика для пополнения братии Ново-Афонского монастыря, необходим «свободный проезд с выдачей им от русского в Константинополе посольства надлежащих видов для следования на Кавказ»⁴⁵.

28 октября П.П. Кравченко обратился с этим вопросом к вел. кн. Михаилу Николаевичу, который 17 ноября 1876 г. ходатайствовал перед обер-прокурором Святейшего Синода Д.А. Толстым об испрошении Высочайшего соизволения на утверждение устроенной с его разрешения обители, «дабы предоставить афонским инокам возможность более широкой и прочной деятельности»⁴⁶. 7 декабря 1876 г. дело об учреждении Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря было предложено для слушания и обсуждения в Святейшем Синоде. Несмотря на желание вел. кн. Михаила Николаевича дать его представлению «возможно скорое течение», ибо утверждение за обителью прав было необходимо для беспрепятственной благотворительной деятельности иноков, на которую он возлагал «большие надежды по просвещению христианством полудикого населения Абхазии»⁴⁷, рассмотрение дела затянулось на долгие три года. Поставленные Синодом вопросы, касающиеся нюансов принадлежности новой обители Свято-Пантелеимонову монастырю, отношения кавказской обители к епархиальному архиерею, согласия греческой братии Руссика на предоставление распоряжения Ново-Афонским монастырём исключительно братии русской, наконец, удостоверения в благонадёжности посылаемых на Кавказ монахов, вызвали продолжительную переписку представителей Свято-Пантелеимонова монастыря, высших российских церковных, правительственных и дипломатических кругов⁴⁸. В результате Высочайшее утверждение Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря произошло уже после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Война 1877–1878 гг. стала тяжёлым испытанием для Ново-Афонского монастыря, временно приостановив его дальнейшее устройство. В конце апреля – начале мая 1877 г. обитель была разорена и сожжена высадившимися на побережье близ Сухума турками, к которым присоединились также восставшие абхазцы. Почти все монахи ещё в конце ноября 1876 г. по распоряжению вла-

⁴⁵ Документы и переписка Ново-Афонского монастыря (1875–1894)... С. 198.

⁴⁶ РГИА, ф. 797, оп. 45, отд. 2, ст. 3, д. 55, л. 26 об.

⁴⁷ Там же, л. 29–30; Документы и переписка Ново-Афонского монастыря (1875–1894)... С. 200.

⁴⁸ Документы и переписка Ново-Афонского монастыря (1875–1894)... С. 199–216.

стей выехали в Кутаисскую губ. и на время военных действий разместились в Гелатском Богородичном монастыре. В обители вплоть до объявления войны оставались иеромонах Иерон и монах Иоанн, затем и они покинули её, присоединившись к братии.

7 из 14 монахов Ново-Афонского монастыря, уже находясь в Кутаисе, на время войны поступили в распоряжение Кавказского управления Общества попечения о раненых и больных воинах с сохранением содержания от обители. Они прошли курс обучения в Кутаисском военном госпитале, а затем с 28 октября 1877 г. по 8 сентября 1878 г. работали в Тифлисском военном госпитале, администрация которого публично выразила им благодарность⁴⁹. 26 августа 1878 г. в газете «Кавказ» была опубликована заметка «Ещё о санитарах», где говорилось о «необыкновенных трудах и беспримерном самоотвержении» новоафонских монахов. «Эти истинные труженики, — писал автор заметки, — при своём кротком нраве и монашеском смирении, отличались беспримерным усердием и любовью к делу... В тяжкий период развития тифа и передвижения больных из одного госпиталя в другой монахи оказали громадные услуги больным... и помощь госпитальному персоналу... Они просиживали целые ночи у изголовья труднобольных, предупреждая всякие их желания и ласковыми словами облегчая их скорбь, подавали надежду на помощь Божию и скорое выздоровление. Сверх того, монахи раздавали больным в подарок большое количество... книжек и брошюр духовно-нравственного содержания, а также крестиков для ношения на теле. Из монахов особенно отличился Иоанн (бывший в мире есаул Войска Донского), который, независимо от палатных трудов, исполнял с усердием и похвальной отчётливостью другие поручения по письменной части в приёмном покое»⁵⁰.

21 декабря 1877 г. иеромонах Арсений писал Игнатьеву из Москвы: «Кавказская обитель наша разорена, братия некоторые поступили в санитары, а некоторые — в действующую на Кавказе армию. Один из послушников удостоен награды орденом Св. великомученика Георгия. Надеемся, что по окончании войны великий князь Михаил Николаевич поможет нам восстановить разорённую обитель нашу»⁵¹. В том же письме, отвечая на вопрос Игнатьева о «настроении общественного мнения Москвы», о. Арсений сообщил ему: «Все воодушевлены надеждою скорого освобождения славян от турецкого зверства и полагают, что главная деятельность в этом преимущественно выпадет на Вашу долю, ибо никому у нас так не известны восточные дела, как Вам»⁵². Не могла не волновать иноков Ново-Афонского монастыря и судьба их собратьев, проживавших на Святой Горе в монастыре Св. Пантелеимона и оказавшихся во время войны 1877–1878 гг. на территории враждебного государства. Узнав из газет о назначении в Салоники военным губернатором Ибрагима-паши, составившего некогда, по словам о. Арсения, «ужас болгар», иеромонах про-

⁴⁹ Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеимона на Святой Горе Афонской. Изд. 7, испр. и доп. М., 1886. С. 195–197; А. Л. [Леонид (Кавелин), архим.] Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. С планом Абхазского приморского берега, с 21-м рисунком памятников христианства в Абхазии и с планом Ново-Афонского монастыря. М., 1885. С. 106–122.

⁵⁰ ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3359, л. 19–20 (Извлечение из газеты «Кавказ». 1878. № 193. 26 августа).

⁵¹ ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 2320, л. 6 об.

⁵² Там же, л. 5 об.

сил Николая Павловича «о неоставлении наших афонцев защитой от такого изверга»⁵³.

Ещё накануне войны 1877–1878 гг. Игнатъев попытался обеспечить безопасность иноков Русского афонского Свято-Пантелеимонова монастыря. 3 апреля 1877 г. по просьбе Николая Павловича, переданной через о. Арсения управляющему Азиатским департаментом МИД Н.К. Гирсу (все трое тогда находились в Петербурге), из министерства российскому консулу в Солониках Т.П. Юзефовичу была направлена телеграмма: «Передайте архимандриту Макарию совет, чтобы русские, опасаящиеся оставаться на Афоне, немедленно бы отправились на Кавказ чрез Поты в Кутаис на наёмном французском пароходе, не сходя на берег в Константинополе»⁵⁴. Однако игумен Макарий и духовник Руссика Иероним решили, что русские монахи не оставят Святую Гору, дабы не утратить позиции, с таким трудом завоёванные в течение последних лет. «Бывшее дело наше (греко-русский Пантелеимоновский процесс. — *Л.М.*), — писали они Юзефовичу, — ещё так свежо, что им примут меры воспользоваться наши сожители (греки. — *Л.М.*) и, по своей любви к нам, пожалуй, мы по прибытии обратно братства не найдём и входа в свою обитель». Старцы просили консула в случае его возвращения в Россию поручить монастырь Св. Пантелеимона, Андреевский и Ильинский скиты и «всех вообще русских на Афоне» покровительству «какой-либо державы, имеющей сильное влияние»⁵⁵. 11 апреля, после прекращения дипломатических отношений России с Турцией, Юзефович выехал из Солоник, оставив своих афонских соотечественников на попечение французского консула Малле.

При этом взоры и надежды русских афонцев по-прежнему были устремлены на покровителя Свято-Пантелеимонова монастыря Игнатъева. 28 апреля 1877 г. о. Арсений писал Николаю Павловичу, теперь уже из Москвы: «Только вчера я получил с Афона ответ на телеграмму нашу, пишут, что ещё вполне не объявляли братиям, но полагают, что большая часть останется на Афоне. О. архимандрит Макарий и о. духовник с братиею поручили мне усердно просить Вас о неоставлении их Вашим милостивым покровительством, которое особенно дорого для них в настоящее тяжёлое время, они просят Вашего за них ходатайства в Константинополе»⁵⁶.

С началом войны в Турции возобновилась информационная кампания, направленная против русских обитателей Святой Горы. Ряд константинопольских газет («Фракия», «Неологос» и др.) наперебой раздували исходящие от русских афонцев «опасности», не выбирая выражений и не стесняясь в возводимых инсинуациях и клевете. В частности, сообщалось, что иноки Свято-Пантелеимонова монастыря состоят в регулярной переписке «со всеми панславистическими комитетами» и готовят восстание болгар и греков в Македонии и Фракии; деньги на это даёт игумен Макарий, который прежде якобы был избран в настоятели благодаря подкупу. Авторы статей призывали турецкое правительство принять «необходимую меру» — выгнать русских с Афона и передать Свято-Пантелеимонов монастырь грекам⁵⁷. Вскоре Порты действительно приняла решение о переселении русских иноков с Афона в Анатолию, в мо-

⁵³ Там же, л. 6 об.

⁵⁴ Там же, л. 32–32 об.; Дмитриевский А.А. Указ. соч. С. 203.

⁵⁵ Дмитриевский А.А. Указ. соч. С. 205–206.

⁵⁶ ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 2320, л. 45.

⁵⁷ Дмитриевский А.А. Указ. соч. С. 208–213.

настырь Панагия Сумела близ Трапезунда. Однако благодаря вмешательству Константинопольского патриарха Иоакима II, заверившего султана Абдул-Хамида II в абсолютной благонадёжности русских, это решение осталось не реализованным. Дело ограничилось присылкой на Афон в сентябре 1877 г. специальной следственной комиссии, которая провела ряд проверок, но не выявила ничего предосудительного. 29 августа 1877 г. по ложному доносу было подвергнуто обыску Солунское подворье Свято-Пантелеимонова монастыря, причём троих монахов арестовали. Проведя в заключении около двух месяцев, они были отпущены на свободу благодаря ходатайству того же патриарха Иоакима II⁵⁸.

16 мая 1878 г. архимандрит Макарий и духовник Иероним написали Игнатьеву о происходивших с ними в 1877–1878 гг. событиях и о своём видении ситуации: «В продолжение времени пред войной, так и во время войны, мы были заброшены газетными и устными клеветами, все усилия исконного врага рода человеческого были направлены на изгнание нас и вообще всех русских со Святой Горы, и веруем, что ходатайство пред Господом Преподобным Владычицы нашей Богородицы и молитвы св. великомученика Пантелеимона и преподобных афонских не допустили врагам истины восторжествовать. Хорошо также знаем, что Ваше сиятельство бдительным оком следили за нами и не оставили нас своим внимательным покровительством. Быть может, вследствие Вашего предстательства Великая Церковь защищала нас деятельным образом. Конечно, всё это не оставалось без надзора Вашего. Наконец, и мы праздновали как день победы, так и избавления своего в 26 день марта»⁵⁹.

Сан-Стефанский мирный договор, объявивший Болгарию автономным княжеством и провозгласивший независимость Сербии, Черногории и Румынии, не только в освобождённых землях, но и в России, и на Афоне встретили с ликованием. Русских афонских иноков особенно радовала, конечно, 22-я статья договора, укреплявшая их позиции: «три принадлежавших им монастыря» уравнивались в правах и преимуществах с другими обителями Святой Горы⁶⁰. При этом афонцев не смущало даже неосмотрительное наименование русских Андреевского и Ильинского скитов на Афоне монастырями. Между тем такое неканоническое повышение их статуса не осталось незамеченным в дипломатических кругах и в дальнейшем (на Берлинском конгрессе) повлекло за собой кардинальное изменение этой статьи⁶¹. 10 марта 1878 г. иеромонах Арсений с восторгом писал Игнатьеву: «Только что прочитал я объявленный мирный наш с Турцией договор и душевно порадовался, что Бог Вам помог заключить такой славный для России мир. С искреннейшим утешением прочитал я 22-ю статью и спешу глубоко, сердечно от имени всех нас, русских афонцев, благодарить Вас за такие милости, каких мы никогда не ожидали. Вы созиждали себе в Иерусалиме, на Св. Афоне и прочих св. местах Востока вечный памятник, Ваше достойнейшее имя в роды родов будет благословляемо. Завидна Ваша доля, глубокоуважаемый Николай Павлович, Вас Господь избрал на великое дело, и Вы совершили его свято»⁶².

⁵⁸ Там же. С. 216–226.

⁵⁹ Граф Н.П. Игнатьев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 2. С. 207–208.

⁶⁰ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 159–175.

⁶¹ Там же. С. 181–206.

⁶² ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 2320, л. 24–24 об.

Корректировка результатов Сан-Стефанского мирного договора (в том числе 22-й статьи, новая редакция которой возвратила русских афонцев в их «первобытное» состояние) на Берлинском конгрессе, равно как и отсутствие на нём Игнатьева, напротив, безмерно огорчили афонцев. 31 мая 1878 г. о. Арсений писал Николаю Павловичу из Москвы: «Здесь очень сожалеют, что Вы не на конгрессе, единодушно говорят, что восточные дела Вам более, нежели кому-либо, известны; все со скорбью смотрят на обрезку Сан-Стефанского трактата и боятся дальнейших уступок наших»⁶³. Не добавило оптимизма афонцам и невозвращение Игнатьева после войны на должность российского посла в Константинополе. 16 мая 1878 г. архимандрит Макарий и духовник Иероним с горечью писали Николаю Павловичу: «Недавно мы получили известие, повергшее нас в великую печаль, что Вы уже не возвратитесь в Константинополь. Итак, мы разлучаемся и лишаемся первого нашего на земле заступника и утешителя, постоянно желавшего нам всего лучшего и творившего всевозможное добро обители нашей»⁶⁴. 3 февраля 1879 г. о. Арсений сообщил Игнатьеву: «С Афона старцы пишут, у них всё, слава Богу, благополучно, только в случающихся каких-либо делах в посольстве встречают большое затруднение. Ваше милостивое внимание, коим Вы удостаивали нас, незабвенно, и нам осталось теперь одно лишь утешительное о сём воспоминание»⁶⁵.

Ущерб, нанесённый во время войны Ново-Афонскому монастырю, составил, по данным иеромонаха Арсения, не менее 40 тыс. руб.: были разрушены или разорены все постройки, расхищены или уничтожены заготовленные строительные материалы (железо, чугун, дерево, кирпич, водопроводные трубы и проч.)⁶⁶. Положение оказалось столь плачевно, что иноки задумались даже над тем, чтобы возобновить обитель не на прежнем, а на новом месте. 31 мая 1878 г. о. Арсений обратился к Н.П. Игнатьеву (как «вполне заботящемуся о нас душевночтиму ктитору нашему») за советом: «Не лучше ль нам устраивать себе приют в возрождающейся Болгарии», например, «на том историческом месте, где пал князь Сергей Максимилианович»? (Сын вел. кн. Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского погиб 12 октября 1877 г. во время разведки под местечком Йован-Чифтлик, ныне село Иваново в Болгарии). Основание обители на месте гибели князя, по мнению о. Арсения, «вероятно, было б приятно его родным, и они, без сомнения, имели б попечение об этом месте». «Средства к жизни» иноки предполагали получать «от печатания церковных книг», в которых в Болгарии «будет большая потребность». Тем самым поселение афонских монахов на новом месте, по словам о. Арсения, «для тамошнего края было б не бесполезно» («вероятно, мы могли б там положить надлежащий основной камень»): «болгарские разорённые церкви исправили б свои нужды»; иноки «могли б устроить училище подобно тому, как было устроено на Кавказе»⁶⁷. Ответ Игнатьева, к сожалению, обнаружить не удалось, однако, судя по тому, как развивались события в дальнейшем, Николай Павлович вряд ли поддержал эту идею.

⁶³ Там же, л. 17–17 об.

⁶⁴ Граф Н.П. Игнатьев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 2. С. 206.

⁶⁵ ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 2320, л. 18.

⁶⁶ Документы и переписка Ново-Афонского монастыря (1875–1894)... С. 219–220.

⁶⁷ ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 2320, л. 16–17.

Вскоре после окончания войны монахи восстановили разорённые постройки своей обители, заложенной в Абхазии. 7 марта 1879 г. старцы Макарий и Иероним сообщили Игнатьеву: «На Кавказе возобновлена на том же месте постройка с церковью, которая тоже освящена⁶⁸; там находятся теперь двенадцать человек братии»⁶⁹.

8 декабря 1879 г. Александр II утвердил постановление Святейшего Синода «Об учреждении мужского Ново-Афонского монастыря в Сухумском отделе Закавказского края». В основу этого документа были положены пожелания старцев Руссика об обеспечении не только неразрывной связи новой обители с монастырём Св. Пантелеимона на Афоне, но также исключительных прав на неё русской братии этого монастыря.

Основные положения правительственного распоряжения от 8 декабря 1879 г. заключались в следующем: 1) Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь открывается как отрасль афонского Свято-Пантелеимонова монастыря и соблюдает общежительный устав афонских монастырей; 2) новая обитель «подлежит в отношении поведения её братии наблюдению местного епархиального начальства и Святейшего Синода, а в отношении внутреннего её строя и хозяйственной части» «действует по указанию и распоряжению Свято-Пантелеимонова монастыря», в зависимости от которого состоит; 3) настоятель новой обители избирается в первый раз из русского братства афонского Свято-Пантелеимонова монастыря, в последующее время — из братии Свято-Пантелеимонова или Симоно-Кананитского монастырей; избранный настоятель утверждается Святейшим Синодом; 4) в новой обители первоначально должно состоять монашествующих до 50 человек, впоследствии, по мере необходимости и средств монастыря, их число может быть увеличено; 5) «монашествующая братия в состав новой обители определяется Пантелеимоновским монастырём исключительно из русского его братства»; 6) назначаемые из Свято-Пантелеимонова монастыря в новую обитель монашествующие лица, а также командируемые туда по монастырским надобностям, снабжаются паспортами и видами на проезд российским посольством в Константинополе без предварительных сношений об этом со Святейшим Синодом; 7) «если кто-либо из братии новой обители окажется по неблагоповедению недостойным своего звания, то таковой, по сношению настоятеля обители с Пантелеимоновским монастырём или по распоряжению местного епархиального начальства, немедленно удаляется из обители»; 8) земля, предназначенная для обеспечения содержания новой обители и школы при ней, а также все движимые и недвижимые имущества и денежные капиталы, какие могут быть в её пользу завещаны, пожертвованы или приобретены русским братством Свято-Пантелеимонова монастыря независимо от средств последнего, должны составлять неотъемлемое достояние обители и не могут требоваться, обращаться и отчуждаться во владение или в собственность Свято-Пантелеимонова монастыря; 9) «в случае смутных обстоятельств на Востоке и невозможности дальнейшего пребывания на Афоне братство Пантелеимонова монастыря получает убежище в новой обители как отрасли сего монастыря, обязанной своим началом и образованием усердию его братства, и в таком случае настоятель Пантелеимонова монасты-

⁶⁸ Освящение церкви Покрова Пресвятой Богородицы состоялось 3 февраля 1879 г.

⁶⁹ Граф Н.П. Игнатьев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 2. С. 222.

ря вступает, с разрешения Святейшего Синода, в управление этой обители, подчиняясь духовному в империи начальству, на одинаковом с русскими монастырями основании, а настоятель сей последней делается его наместником»; 10) «новообразуемая обитель обязывается не производить сборов подаваний по книгам и не испрашивать от правительства ни пособий, ни жалованья из казны»⁷⁰.

Вскоре после высочайшего утверждения кавказской обители, в апреле 1880 г., на Афоне состоялись выборы игумена Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря. Избран был иеромонах Иерон (Васильев)⁷¹. Ещё осенью 1875 г. его направили в Абхазию под начало иеромонаха Арсения и назначили строителем и экономом Ново-Афонского монастыря. В 1889 г. в афонском Свято-Пантелеимонове монастыре игумен кавказской обители был возведён в сан архимандрита.

В 1880 г. на Кавказе началось восстановление старинного храма Св. апостола Симона Кананита, при этом были приняты все необходимые меры, направленные на сбережение уцелевших частей здания и сохранение присущего ему древнего стиля. Освящение храма состоялось 10 мая 1882 г., в день памяти св. апостола Симона, экзархом Грузии архиепископом Карталинским и Кахетинским Иоанникием (Рудневым)⁷².

Важное значение для жизни монастыря имело проведённое в это же время благоустройство заболоченного берега близ впадения в море реки Псыртси. Для этого реку перегородили каменной плотиной со шлюзами, устроили сложную систему каналов и прудов с чистой проточной водой. Водопад приводил в движение лесопильню и мельницу, служившую также водокачкой; все хозяйственные службы и здания монастыря снабжались водой. В прудах монахи разводили рыбу: карпа, карася, форель и даже кефаль. После исчезновения болот местность значительно оздоровилась, чему способствовало также насаждение полезных растений, в том числе эвкалиптов⁷³.

В начале 1880-х гг. началось строительство так называемого верхнего, или нагорного, монастыря — зданий на горе. В прибрежной части было решено оставить главным образом хозяйственные службы и все заведения, связанные с общественным служением обители, а новые храмы и основные братские корпуса построить выше. Идея возведения монастыря на откосе горы принадлежала игумену Иерону. Её осуществление оказалось сопряжено с огромными трудностями: по словам Иерона, «нужно было срезать целую гору, чтобы получилась необходимая площадь под храмы, здания и двор». Новоафонские иноки были настроены пессимистически, считая строительство монастыря «на таком неприступном месте» «совершенно невозможным делом». Однако афонские старцы Макарий и Иероним благословили строительство и велели не бояться трудностей. Их привлёк предполагаемый результат «хлопот и трудов»: как написал им о. Иерон, «если потрудимся вдоволь и устроим в конце концов здесь монастырь, то в результате получится нечто восхитительное, чудесное: непередаваемо-красивая панорама, уединение, здоровый воздух и живая —

⁷⁰ РГИА, ф. 797, оп. 45, отд. 2, ст. 3, д. 55, л. 48–49 об.

⁷¹ Граф Н.П. Игнатьев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 2. С. 245.

⁷² Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеимона... С. 201–202.

⁷³ К свету. 1997. № 16. С. 24–25; История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года. С. 615.

проточная, родниковая вода, — всё это будет налицо и к услугам обители и её насельников»⁷⁴. «Черновой план» «верхнего» монастыря составил сам Иерон: по афонскому обычаю братские корпуса предполагалось построить в виде обширного замкнутого четырёхугольника, по углам последнего устроить параклисы (часовни), а в центре двора возвести величественный собор. Проект собора по просьбе игумена Иерона разработал архитектор Н.Н. Никонов⁷⁵. Пятикупольный храм был выполнен в неовизантийском стиле.

В монастыре побывали многие представители царствующего дома. Первыми из них стали великие князья Константин Николаевич и его сын Константин Константинович, посетившие Ново-Афонский монастырь 31 мая 1879 г. Через год, 10 июня 1880 г., в обитель приезжал вел. кн. Михаил Николаевич со своим сыном Михаилом Михайловичем⁷⁶. Особенно знаменательным событием для Ново-Афонского монастыря стал приезд императора Александра III с императрицей Марией Фёдоровной, наследником цесаревичем Николаем Александровичем и вел. кн. Георгием Александровичем 24 сентября 1888 г. По просьбе настоятеля Иерона государь лично поучаствовал в закладке соборного храма Св. Пантелеимона, что имело для монахов огромное значение. Обосновывая свою просьбу, Иерон заметил: «Обитель наша только начинает созидаться; Господь удостоил посещением государя императора, что бывает веками... если она удостоится царской милости и самим государем будет заложена, обители будет вечная радость»⁷⁷. В итоге Александр III собственноручно водрузил кипарисовый крест (который затем был отделан серебром и поставлен за престолом в главном алтаре собора), заложил первый камень в основание храма, посмотрел и одобрил планы будущего собора и всего «верхнего» монастыря. Покидая обитель, император сказал Иерону: «В памяти у меня останется посещение вашей обители; желательно видеть собор ваш оконченным»⁷⁸.

К сожалению, увидеть собор Св. великомученика Пантелеимона оконченным Александр III не смог: храм был достроен через шесть лет после кончины императора и освящён 28 сентября 1900 г. епископом Сухумским Арсением (Изотовым). Иноки надеялись, что для участия в торжестве на Кавказ придет ктитор обители Игнатъев, приглашённый отцом Иероном «от лица всей братии», однако Николай Павлович не смог этого сделать по причине расстроенного здоровья. 13 декабря 1900 г. игумен Иерон с видимым удовлетворением сообщил Игнатъеву, что на освящение храма «со всей благословенной Руси» прибыли около 18 тыс. человек, что потребовало от иноков «воистину больших забот и хлопот»; «люди были почти все из простонародья, интеллигентным же не было возможности прибыть вследствие наступивших осенних занятий». Торжество освящения прошло «велие», «радостно и благополучно»⁷⁹.

К концу XIX — началу XX в. Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь стал одной из известнейших и крупнейших обителей в Российской им-

⁷⁴ Бронзов А.А. Архимандрит Иерон, настоятель Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря // Христианское чтение. 1913. № 5. С. 637–638.

⁷⁵ Там же. С. 642, 645; Воспоминания архимандрита Иерона о посещении государем императором Александром III с августейшей семьёй монастыря Новый Афон в 1888 г. // Старина и новизна. Кн. 11. СПб., 1906. С. 272.

⁷⁶ Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеимона... С. 199.

⁷⁷ Воспоминания архимандрита Иерона... С. 269.

⁷⁸ Там же. С. 276.

⁷⁹ ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3026, л. 29–29 об.

перии. В это время здесь действовали уже несколько храмов: Покрова Пресвятой Богородицы (освящён в 1876 г., возобновлён в 1879 г.) с приделом во имя Св. архистратига Михаила (освящён в 1883 г.); Св. апостола Симона Кананита (древний, возобновлён и освящён в 1882 г.); Вознесения Господня (освящён в 1894 г.); Св. великомученика Пантелеимона (соборный, заложен в 1888 г., освящён в 1900 г.) с приделами Св. Александра Невского, Свт. Николая Чудотворца, Св. Марии Магдалины и Св. великомученика Георгия Победоносца. По углам четырёхугольника, образуемого братскими корпусами, были возведены параклисы (часовни), которые часто называют храмами: Св. апостола Андрея Первозванного (освящён в 1895 г.), во имя всех Афонских преподобных святых (освящён в 1896 г.), во имя мученика Иерона (освящён в 1906 г.) и в честь иконы Божией Матери «Избавительница» (освящён в 1909 г.). Монастырь имел многочисленные хозяйственные учреждения: мельницу, хлебопекарню, лесопильню, каменоломню, три завода (кирпичный, кожевенный и алебастровый), скотный двор, водокачку, несколько мастерских (кузнечную, слесарную, сапожную и др.), ботанический сад с оранжереей. При обители действовали гостиница для богомольцев, больница с аптекой для братии, книжная и иконная лавки, упоминавшаяся выше школа с общежитием для мальчиков. Здесь проживали более 500 насельников⁸⁰.

Менее чем за четверть века Ново-Афонская обитель стала духовным и культурным центром Кавказа. В 1885 г. главноначальствующий Кавказской администрацией кн. А.М. Дондуков-Корсаков писал обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву: «Дикое и неприступное ущелье... обращено заботами и трудами русских монахов, пришедших с Афона, в культурный оазис, из которого свет христианства разливается в Абхазию... Доброе влияние, которое колонизаторы-монахи имели на окрестное население, подавая ему пример трудолюбия и скромной жизни, великая польза, принесённая устроенной монастырём школой... вся деятельность монахов в пустынном крае — всё это доказывает, что они свято соблюдают свои обязанности»⁸¹. В 1899 г. Победоносцев отмечал в своём всеподданнейшем отчёте: «Грузия, знаменитая в древнее время и своими святынями, и богатством монастырей своих, совсем оскудела в течение времени от частых разорений монастырями и монашеством. Лишь в последнее время усердием русских православных людей и заботами епархиальной власти основаны в Грузинском экзархате монастырские учреждения, деятельно способствующие и к возвышению религиозного духа в населении, и к умножению обучения и духовного просвещения, и к учреждению образцовых хозяйств и разработке естественных богатств кавказской природы. Таковы, между прочими, обитель Нового Афона в Сухумской епархии и учреждённый в недавнее время в Кахетии женский монастырь на древней гробнице св. Нины»⁸². Архиепископ Вологодский и Тотемский Никон (Рождественский), побывавший в Ново-Афонском монастыре в 1911 г., записал в своём дневнике:

⁸⁰ Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1 105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и 2 иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. М., 1908. С. 368–369; История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года. С. 619.

⁸¹ Цит. по: История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года. С. 632.

⁸² Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по Ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 годы. СПб., 1899. С. 91.

«С тёплым чувством расстаюсь я с этой тихой обителью, которая, как маяк на берегу житейского моря, ярко освещает жизненный путь для православных людей не только этого края, но и всей России. Восемь дней провёл я здесь, в сравнительно глухое время, но видел тут православных людей и из холодного Петербурга, и с тёплого юга, и из Центральной России. Все они, видимо, выносили отсюда добрые впечатления, все освежались душой под сенью ещё юной, но уже величественной обители, которую по всей справедливости можно бы назвать лаврою Закавказского края»⁸³.

Таким образом, появление на Кавказе Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря стало одним из итогов «греко-русского Пантелеимоновского процесса» первой половины 1870-х гг. — крупного конфликта на Афоне, который был обусловлен как обострением ряда противоречий между разными этническими общинами Свято-Пантелеимонова монастыря, так и общим подъёмом в греческой среде антиславянских и антирусских настроений, вызванных, в частности, «молчаливым отказом» российского Святейшего Синода поддержать решение Константинопольского собора 1872 г. по поводу болгарской схизмы и секвестром, наложенным недовольным этим решением Александром II на доходы Восточных патриархатов с бессарабских имений их монастырей. Определённую роль в разжигание конфликта внесла и британская дипломатия, пытавшаяся ослабить влияние России на Балканах и Ближнем Востоке. Сохранить целостность Русского Свято-Пантелеимонова монастыря, уклониться от разрыва с Константинопольским патриархатом и даже укрепить свои позиции на Афоне России удалось во многом благодаря действиям Н.П. Игнатьева. Значительную роль Игнатьев сыграл также в создании и развитии на Кавказе «отрасли» Руссика — Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря. Возникнув как предполагаемое «убежище» для русских афонцев в случае возникновения новых смут на Востоке, Ново-Афонский монастырь вскоре превратился в жемчужину Черноморского побережья, крупный духовный и миссионерский центр на юге Российской империи.

⁸³ Никон (*Рождественский*), архиеп. Мои дневники. Вып. 2. 1911 г. Сергиев Посад, 1915. С. 166.